

Летний зной был душным и томным, пропитанным нежным ароматом лотосов.

Управляющий Лу смахнул капли пота со лба и, приподняв полы халата, поспешил через длинную галерею.

Еще издали он приметил в саду, под кроной камфорного дерева, четыре фигуры. Одна из них сидела на корточках, другая примостилась на каменной скамье, а двое оставшихся вытянулись в струнку, неся караул.

Завидев Управляющего Лу, Цинхуа и Бэйда почтительно склонили головы. Однако, проходя мимо них, Управляющий Лу демонстративно отвернулся, одарив обоих пренебрежительным взглядом и громко фыркнув.

В последнее время Управляющий Лу был крайне раздосадован.

Хотя новость о том, что старший молодой господин наконец-то научился считать от одного до четырех, и принесла ему награду в три лян серебра, но другая фраза — Мой отец — Лу Ган — которую Лу Ин произнес лично, да еще и при всех обитателях Особняка Лу, позволила этим двум пройдохам, Цинхуа и Бэйдэ, набить карманы доверху.

Глядя на довольные, сияющие лица слуг, Управляющий Лу злился. Очень злился.

К счастью, многолетний опыт работы позволил ему выработать исключительную профессиональную выдержку. В такой ситуации он не мог позволить недовольству отразиться на лице.

Выпрямившись, Управляющий Лу с приветливой улыбкой произнес: Старший молодой господин, второй молодой господин, пора отправляться во дворец. Господин и Госпожа Лу уже давно ждут вас в карете.

Лу Ин был полностью поглощен раскапыванием муравейника; его маленькая спинка оставалась неподвижной.

За долгие годы Управляющий Лу изучил нрав Лу Ина: когда тот занимался муравейниками, то уходил в это с головой. Даже если бы сам Небесный Владыка спустился к нему, он бы и глазом не повел.

Но время поездки во дворец откладывать было нельзя. К тому же Госпожа Лу и без того долго собиралась, и если задержка произойдет еще и из-за старшего молодого господина, они рисковали опоздать к дворцовым воротам.

Управляющий Лу перевел взгляд на второго брата, ища поддержки: Второй молодой господин...

Лу Минь приподнял веки, встретившись с ним взглядом. Помолчав мгновение, он отложил книгу, поднялся и невозмутимо поправил одежду: Отец говорил, что сегодня во дворце будут подавать красные плоды...

Не успел он закончить фразу, как мимо Управляющего Лу пронесся порыв ветра. Оглянувшись, он увидел, что Лу Ин уже тащит Лу Миня далеко вперед.

Впрочем...

Управляющий Лу, глядя на мелькающие при беге белые ножки Лу Ина, невольно нахмурился: во что это одет старший молодой господин?

Древние люди придавали большое значение этикету и одежде, но это вовсе не означало, что нужно кутаться в семь слоев ткани. Знойным летом вполне можно было обойтись легкими шелковыми нарядами.

Такая одежда была мягкой и прохладной, но из-за тонкой текстуры у нее был очевидный изъян — она просвечивала!

В обычные дни никто не обращал внимания, если Лу Ин расхаживал по особняку хоть голышом, но сегодня ему предстояло явиться во дворец. В паре тонких халатов его могли обвинить в оскорблении императорского величества, поэтому под жестким надзором Цинхуа и Бэйды он был облачен в несколько слоев одежды.

Одеяние древних состояло из верхней части — и, и нижней — шан.

Шан напоминал юбку, прикрывающую самые важные части тела.

Однако под ней не всегда было пусто. Обычно носили нижние штаны, которые со временем превратились в шаровары с разрезом в паху — это было удобно для посещения уборной и других нужд.

Тем не менее Лу Ину казалось, что это выглядит слишком уж фривольно, поэтому он попросил искусненную в рукоделии Цинхуа зашить разрез.

А еще он отрезал добрую половину штанин, едва доходивших до щиколоток, так что они стали походить на современные боксеры.

Теперь, приподняв подол шан, он не рисковал показать лишнего, да и в жару было прохладнее.

Именно поэтому Управляющий Лу и увидел его белые ноги.

Управляющий Лу покачал головой: непристойно, поистине непристойно.

Когда Лу Ин, увлекая за собой Лу Миня, добрался до ворот, там стояла лишь одна роскошная карета с синей крышей.

Слуги выстроились по обе стороны и, увидев молодых господ, почтительно склонились.

Едва Лу Ин ступил на подножку, как до его слуха донесся голос Лу Гана, который без остановки произносил длинную речь.

Суть ее сводилась к тому, что сегодня утром, проходя через сад, Лу Ган заметил белые ножки сына и выглядывающие из-под приподнятого халата короткие штаны.

Лу Ган, облаченный в чиновничий мундир, тоже изнывал от жары, поэтому против того, что сын надел под низ шорты, он ничего не имел. В конце концов, всем понятно, что такое жара.

Но вот этот ослепительно-розовый цвет... Он просто не знал, что и сказать.

Возможно, устав от собственных слов, Лу Ган тяжело задышал и добавил: Вань Цюн, ребенок вырос, пора сшить ему новую одежду.

Лу Ин понял намек отца, да и как могла не понять Госпожа Лу, прожившая с мужем в одном супружеском ложе пятнадцать лет?

Поэтому в следующее мгновение послышался нежный голос Госпожи Лу: Далан так любит этот розовый цвет, а под одеждой его все равно никто не видит.

Спустя некоторое время Лу Ган ответил: Ты права, дорогая.

Как только слова стихли, в карете воцарилась тишина, нарушаемая лишь прерывистым дыханием, вызванным летним зноем.

Лу Ин понимал: с тех пор как в восемь лет он перенес тяжелую лихорадку и чудом выжил, многое в отношении семьи Лу к нему изменилось.

Например, в одиннадцать лет он не умел писать, не ходил в школу, не считал, не читал книг, с трудом узнавал людей, пренебрегал этикетом и любил розовый цвет, который обожают только девушки.

Отец, мать и Эрлан не только никогда не называли его дурачком, но, наоборот, во всем потакали и безгранично баловали.

В остальном — признавал Лу Ин — он сам притворялся глупым, чтобы скрыть тот факт, что в его теле поселилась другая душа, и это его выбор.

Но одного он не мог понять: почему этот мощный и брутальный мужской розовый стал прерогативой девочек?

Заметив, что Лу Ин нахмурился, Лу Минь дважды кашлянул и, опередив брата, потянулся к дверце.

Однако, едва он приоткрыл ее, как тут же захлопнул обратно.

Далан, зайди чуть позже.

Лу Ин и так был не особо озадачен, но теперь его обуяло любопытство.

Он быстро протянул руку и распахнул дверцу, которую только что закрыли.

В тот же миг он окаменел. Ему хотелось, чтобы его глаза этого не видели.

Внутри кареты его отец, обливаясь потом, приподнял ноги матери и с изумлением уставился на него и Лу Миня.

Четверо людей застыли, глядя друг на друга. Никто не знал, что делать. Оставалось лишь пребывать в полнейшем смятении посреди душного летнего ветра.

К счастью, Лу Ин отчетливо помнил, что играет роль глупого сына. Другие могут терять голову, но только не он!

Поэтому, чтобы избежать этой внезапной неловкости, он совершил поступок еще более неловкий.

Папенька, маменька!

Лу Ин озарил всех самой чистой и искренней улыбкой, бросился вперед и крепко обнял их обоих.

Ощукая, как их тела почти окаменели, он невольно подумал: о, шаровары с разрезом — это величайшее изобретение! Не только удобны для уборной, но и для обнимашек!